

Ингрид Нолль
НАТЮРМОРТ НА НОЧНОМ СТОЛИКЕ

РОЗОЧКА

Яркий букет в прозрачном кубке: розы, розовые и белые, василек, огненные красно-желтые тюльпаны, нарцисс, крошечная фиалка, анютины глазки и жасмин, всего несколько цветочков. Сквозь стекло мерцают зеленоватые стебли и листья, вода мутноватая, зеленоватая с черным, как и весь затемненный фон картины. Освещен лишь сам букет. Каждый цветок живет своей жизнью – один склонился вправо, другой – влево, этот распускается, тот поднимает гордо голову, а кто-то там и вовсе прячется среди своих роскошных собратьев. Только один бутон не похож на остальные цветы: розочка клонится вниз, будто ей стыдно и она хочет скорей укрыться в темном углу натюрморта.

В моей жизни красные розы сыграли роковую роль, но этот темно-красный бутон – мой любимый. Нежные лепестки, те, что ближе к стеблю, отдают в желтизну, а вокруг – весенняя зелень чашечки. Один из лепестков дерзко загнулся кверху, но поникшая головка означает, что цветок обречен и скоро завянет. Три с половиной века назад написал Даниель Сегерс этот букет, а цветы такие свежие, будто только что из сада. Здесь нет ни пионов, ни лилий, ни ирисов – это все цветы Пречистой Девы, – так что, я думаю, никакого сакрального смысла картина в себе не таит. Букет предназначался для самой обыкновенной, земной нормальной женщины. Такой, скажем, как я.

Но тут же меня в который раз одолевают сомнения. Это я-то нормальная женщина? Я, которая любит пауков и мышей? Которая с детства помешана на животных? Нет, не на мишках там каких-нибудь плюшевых: меня всегда тянуло к крошечным живым тварям. Когда я следила за их возней, во мне разгорался охотничий азарт: мне хотелось поймать, схватить... По каким только пыльным углам я не рыскала без всякого страха в поисках бог знает каких насекомых, голыми руками поймала как-то шмеля, и он гудел у меня в кулаке. Еще интересней, конечно, было мять всяких теплокровных – маленьких грызунов и птичек. И при этом мне ни разу не удалось поймать здорового зверька – то какой-нибудь увечный попадется, умирающий, то какая-нибудь беременная. Кладбище мое напоминало грядку в огороде, и каждого усопшего моего пленника ждала красивая могилка, с любовью убранная камешками и маргаритками. Как истинная собирательница, я бы, разумеется, охотнее похоронила одного большого млекопитающего зверя, чем, скажем, уже пятого черного дрозда. Но этому обычно предшествовал сложный обмен. Однажды, например, за мертвую морскую свинку у меня потребовали мамину губную помаду, и я смогла это устроить.

Вообще в детстве я любила чего-нибудь отмотчить: специально оставляла открытыми банки с медом – для пчел, пила папино пиво, успешно торговала сделанным домашним заданием, могла и стянуть у мамы из кошелька денюжат, врала напропалую. Чаше всего никто ничего не замечал. А если родители и застукивали меня, то мне все сходило с рук. Отец в таких случаях выговаривал мне, что я и так живу неплохо, что должна быть довольна тем, что имею, и потому не должна нарушать закон. Мать же никогда не ругала, лишь вздыхала время от времени: «Ах, глупая мышка!» Иногда я просто скучала по наказанию, мне хотелось, чтобы родители разбушевались, разгневались, но только оба они на сильные чувства были совершенно не способны.

Мой отец женился на моей матери, медсестре, намного моложе его, в 55 лет. Это был его второй брак. Едва я появилась на свет, он занемог, слег в постель и пятнадцать лет, вплоть до самой смерти, уже не вставал, и мать ухаживала за ним. С тех пор в спальне моей матери стоят две кровати – «больная» и «здоровая». И только мы, члены семьи, понимаем, что это за кровати. Опустевшее ложе моего родителя так и осталось в спальне. На нем пришлось спать мне, пока я не покинула родительский дом. Правда, когда отца хватил третий уже удар и он скончался в больнице, я сама добровольно забралась в его

кровать, поближе к мамочке. Но потом все мои попытки вернуться назад в мою комнату окончились ничем. Мать донимали то головокружения, то мигрень, то ночные кошмары, то приступы панического страха. Может, мне следовало бы дать ей отпор, воспротивиться познергичней, но на меня уже была возложена ответственность за материнское здоровье и благополучие, так что пришлось уступить. Она подспудно внушала мне, что просто умрет, если меня не будет рядом.

Отцовская кровать до сих пор всегда застелена свежим бельем. Некоторое время она называлась «папиной кроватью», потом мать переименовала ее в «больную». При жизни отца его ложе было оборудовано разными приспособлениями. Деревянной решеткой, например, которую можно было двигать и переставлять на разные уровни. Сверху лежал гибкий матрас, и вся кровать была как бы на шарнирах, крутилась и вертелась во все стороны, а сбоку крепился столик-поднос, который отодвигался и придвигался. Когда матери, после того как я покинула дом, пришлось, хотела она этого или нет, привыкать к одиночеству, то обнаружились все удобства и достоинства «больной» койки. Стоило маменьке схватить грипп, как она тут же перебиралась в кровать покойного супруга. Со временем мать постелила туда матрас из латекса и поменяла решетку, которую приводил в действие специальный моторчик: он поднимал или опускал на любой уровень и ноги, и изголовье. Кто не в курсе мамочкиной терминологии, тот непременно примет за «больную» кровать именно «здоровую», с древним продавленным матрасом. На таком даже самую мускулистую молодую спину скрутит радикулит.

Думается мне, мамуля специально по несколько ночей спит на «здоровой» кровати, чтобы у нее вступило в спину и появилась причина перебраться на одр болезни. Там она с чистой совестью сутками валяется без дела, смотрит телевизор, читает, завтракает. Иногда нажимает на кнопку, нижний конец кровати взмывает вверх так, что ее бедра оказываются в вертикальном положении, а ноги ниже колен располагаются горизонтально. Порой она поднимает спинку и садится. Или наоборот – еще выше приподнимает подножие кровати. В этот момент она похожа на не до конца раскрытый складной нож. Несколько суток в «больной» кровати, и мама снова здорова и готова выдерживать неудобства в «здоровой».

Телефон, разумеется, стоит на ночном столике возле «больной» кровати, чтобы в смертный час был под рукой. Мамуля согласна даже каждый раз, когда телефон звонит, бежать в спальню. Там она плюхается на постель и только после этого хватает трубку. Знаете, некоторые курильщики не могут разговаривать по телефону без зажженной сигареты: первые секунды в трубке слышно щелканье зажигалки, потом человек глубоко затягивается и, наконец, внимание собеседника на том конце провода обращается на вас. Когда я звоню матери поболтать, в трубке слышится легкое жужжание: она поднимает повыше спинку кровати.

Эта «больная» кровать, скорее всего, и выгнала меня раньше времени из родительского гнездышка. До пятнадцати лет я спала в своей комнате и подружек иногда ночевать приводила. И родители позволяли мне остаться на ночь у какой-нибудь девочки после дня рождения или во время каникул. Но вот умер отец, и все закончилось. Хочешь не хочешь, окажешься в изоляции.

Только соберешься «оторваться» с одноклассниками на вечеринке, как мать ровно в десять присылает за тобой такси. Вероятно, она не столько беспокоилась за меня, сколько изнемогала от страха, что соседняя кровать будет пустовать до утра. И когда меня привозили домой родители моих подруг, она всегда бодрствовала и глаза ее были неизменно полны горького упрека.

Я окончила школу и решила уехать в Гейдельберг штудировать биологию. Правда, эта наука не особенно меня привлекала, но дома я сделала вид, что жить без нее не могу.

Мамуля меня все-таки, наверное, любит. Она смирилась или, по крайней мере, осознала, что ее единственное дитя не будет весь век свой спать у нее под боком. Я, понятное дело, поначалу на выходные приезжала домой и опять спала в одной комнате с матерью. Но через год она привыкла к одиночеству, перестала донимать меня каждый

день звонками, больше не следила, во сколько я возвращаюсь вечером в общежитие, уже не присылала мне кулечки с сервелатом и миндальным печеньем и не закатывала истерику, если я уезжала на каникулы с подружкой куда-нибудь в Шотландию (вы понимаете, мне много надо было наверстать).

Спустя еще год я бросила учебу: меня доконала аллергия на асбест, достал один невменяемый профессор, а еще я возненавидела математику, физику и химию, и учить их было выше моих сил. Матери я ничего не сказала. Потом, решила я, когда хоть как-то в жизни устроюсь, вот тогда ей все и объясню.

С тех пор я проводила полдня в постели – совсем как маменька, а вечером отправлялась работать официанткой в одно кафе. Знакомилась с разными людьми, иностранцами и местными, школьниками и студентами. Частенько сама водила туристов целыми группами по городу, а они потом приглашали меня поужинать. Таких приятелей я меняла как перчатки. Свободы было хоть отбавляй. Вот было время, жаль, прошло... Но совесть меня все время колола: нехорошо врать маме, которая по-прежнему высылает тебе деньги на образование. А я все продолжала врать, когда приезжала к ней на день ее рождения, на Рождество. По телефону сочинять легко, но вот если надо смотреть человеку в глаза... Гадко было все это. Мне только оставалось утешать себя тем, что моя маменька дама совсем не бедная.

Мой первый друг носил многообещающее имя Герд Трибхабер¹. Он звал меня Розочкой – Аннароза он и за имя не считал. Долгое время я полагала, что обязана своим прозвищем строчкам из Гете: «Мальчик розу увидал, розу в чистом поле, роза, роза, алый цвет, роза в чистом поле»². Но одна подружка растолковала мне однажды, что в этом стихотворении речь идет об изнасиловании. Я тогда воспротивилась такому прозвищу, но Герд утверждал, что к нашей первой ночи оно никакого отношения не имеет, это просто сокращение от другого слова: «Неврозочка». Он считал меня немного... э-э... «тово».

Еще бы. Кто вырос на «больной» кровати, тот имеет право на некоторые странности. Меня, например, тошнит от молока, ресницы я никогда не крашу – туши не выношу, еще у меня аллергия на разные вещества. Зато я могу пить, как шут Перкео³, и ни в одном глазу. Я прошу кого-нибудь заливать бензин в бак: мне невыносим вид бегущих цифр на счетчике, который словно пожирает мои кровные. Ненавижу вычитать, люблю только складывать. Есть у меня еще парочка «тараканов», но о них я умолчу. Вообще-то нервы у меня в порядке, не стоит так уж преувеличивать. Скорее такое можно сказать о моей маменьке. Когда я предложила ей вообще убрать кровать «здоровую» и спать только на «больной», она встала на дыбы. И все из-за новой своей причуды. Как-то накануне Рождества она записалась в кружок, где шили медведей из плюша, – ей хотелось сделать подарок внукам. Но расстаться с творением своих рук она не смогла и с удвоенной энергией принялась ваять новых зверушек. Скоро вторая кровать вся была завалена лохматыми бурыми и белыми медведями, черными гризли, пандами, коалами, гималайскими медведями с белыми воротничками, барсуками и енотами и прочими «лохматками». Переселение всего этого народца с одной кровати на другую можно уже смело сравнивать с великим переселением народов. А маменька тем временем собирается освоить еще и шитье кукол. Если так пойдет дальше, думаю, скоро ей понадобится трехспальная кровать.

Я росла в семье единственным ребенком. Но это вовсе не означает, что у меня не было братьев и сестер. У моего отца была дочь от первого брака, моя сводная сестра. Она старше моей матери. Эту особу – Эллен ее зовут – я видела за все свои детские годы и в юности четыре раза, а на отцовских похоронах мы сидели рядом целый час. На Рождество мы посылали друг другу лишенные всякого содержания открытки. Кто знает, может быть, Эллен Держала на меня зло за то, что наш общий родитель бросил ее мать ради моей, хотя

¹ <M%20>Triebhabe<D%0>г (нем.) – человек, влекомый инстинктом.

² Баллада «Дикая роза» (1771). Перевод Д. Усова.

³ <M%20>Перке<D%0>o – знаменитый пфальцский шут-пьяница.

это и произошло за два года до моего рождения. Эллиен негодовала на мою маму: якобы та, разлучница, хищница, интриганка, увела у ее матери мужа, разрушила благополучную семью. Более абсурдную мысль трудно себе представить. Да моя мама просто овечка, которая заманила моего отца своим бляением. Бог его знает, как уж так вышло: она забеременела, а когда на свет появился мой брат, наш отец развелся со своей первой женой. Он всю свою жизнь мечтал о сыне.

Увы, младенец погиб, кажется, год спустя – несчастный случай. Минуло совсем немного времени, и моя мать уже носила меня. Когда папуля узнал, что вместо сына ему родили дочь, он захворал. Таким только я его и помню: пятнадцать лет в постели, страдающего и несчастного. О причине его горя я узнала лишь тогда, когда пошла в гимназию и в одночасье стала «взрослой девочкой»: на ночном столике у кровати в позолоченной рамке стояла фотография его единственного сына, его погибшего Мальте.

Так вот, в моей жизни присутствуют живая сестра и мертвый брат, и к обоим – никаких нежных чувств. Всем, к сожалению, было ясно, что сына я отцу не заменю. Меня особенно раздражало, что о смерти мальчика никто ни слова не проронил, особенно о ее причине. Теперь-то понимаю: это молчание изуродовало мое детство.

Со временем я вышла замуж и сама забеременела. И своего будущего отпрыска я представляла таким же, как тот, чья фотокарточка стояла на отцовском столике: ангелочек со светлыми кудряшками и мечтательными голубыми глазками. А ведь судьба этого херувимчика-мечтателя была предопределена: Мальте мог бы и дальше мечтать сколько угодно, но отец готовил наследника для своего предприятия – магазина по продаже кухонных гарнитуров. Когда же вместо преемника на свет появилась дочь, он продал свой магазин еще до моего крещения и остаток своих дней прожил инвалидом. И даже мысли не допустил, что дочка тоже могла бы продолжить фамильное дело. А мой покойный братец, кажется, избежал отцовского гнева и семейного скандала: судя по его ангельскому личику, он мог обладать каким угодно талантом, кроме коммерческого.

К этим печальным воспоминаниям прибавились другие: отцы моих подруг были страшно заняты, и времени на семью у них оставалось крайне мало, мой же родитель, напротив, поражал моих одноклассниц тем, что постоянно сидел дома, но при этом все окружающее ему было абсолютно безразлично. Большинство моих подружек даже не видели его никогда, но всегда помнили: в нашем доме запрещено громко включать музыку, топтать по лестнице, никаких танцев, не дай бог расхохотаться – одним словом, никакого шума, тишина и покой.

Мне иногда приходилось читать отцу вслух, потому что помимо всех его болячек он еще жаловался на «усталые глаза». А что папочка желает послушать? Ответ неизменно был один и тот же: ему все равно. И я читала ему девчоночьи книжки, что-то о животных, какие-то приключения саламандры или даже учебники. Не знаю, слушал ли он меня когда-нибудь или ему просто хотелось всеми силами привязать меня к своей постели. Думаю, впрочем, что, в сущности, ему не было дела ни до книг, ни до меня.

А я все приставала к матери с вопросом: что же это за человек такой был, за которого она вышла замуж? Что-о-о-о?! Ее изумлению не было предела. Я пятнадцать лет живу с отцом под одной крышей и до сих пор не поняла, какой у меня замечательный, все понимающий, душевный папочка?! При этом мамуля не упоминала, что ее муж сидит на транквилизаторах и оттого так отстранен от банальной реальности. А реальной банальностью была я.

Иногда все же мне нравилось проводить с ним время: по пятницам после обеда мы иногда играли. Отец сидел в кровати, я – у него в ногах, а мать была в парикмахерской. Приделанный к кровати поднос служил столом. Игры наши были незатейливы и назывались что-то вроде «цап-царап», «живой-неживой», а когда я подросла, появилась еще игра – «город, речка, лес». Я при этом грызла соленые палочки и шоколад с орехами, отец пил пиво. Мать возвращалась и ругала нас за испачканное белье. Но отец все равно ел в кровати, проливал кофе, сыпал пепел с сигарет, ронял на простыню жирную ветчину

и кусочки колбасы, сорил ореховой скорлупой и корочками сыра. Белье тут же меняли, стлали свежее, но запах еды и болезни притягивал мух, и они летели в нашем доме не на кухню или в туалет, а собирались вокруг отцовской постели, источавшей нездоровый дух. Моего родителя так же нельзя представить без мухобойки, как Нептуна – без трезубца. Каждый день я приходила к нему с одним и тем же вопросом: как он себя чувствует? Ответ был всегда один: устал он от жизни, устал. Так, в пять лет я уже выучила употребление родительного падежа, больше ничего толкового отец мне не преподавал.

Сейчас я набралась бы смелости и съездила к отцовской первой жене, поговорили бы, выслушали друг друга. Но она вскоре отправилась вслед за своим неверным мужем. Встречи же с моей сводной сестрой Эллен, которой посчастливилось застать нашего папочку в добром здравии, я очень боялась. Я бы не выдержала, если б она начала мне петь о своем счастливом безоблачном детстве, о добреньком папочке, который мастерил ей кукольные домики и танцевал с ней на выпускном балу... Эллен была уже взрослой, когда наш папа ушел от ее матери к моей, вернее, к моему новорожденному брату. Вряд ли для сестры развод родителей был такой уж драмой. У нее все-таки долгое время был отец, который носил синие костюмы. А мне пришлось любоваться его полосатой пижамой или халатами – бордовым или оливковым. Он ходил с Эллен в кино, на церковные праздники, возил на море и приглашал ее на танец. Я же сидела как прикованная у него на кровати, а после его смерти еще и спала там же.

Утверждают, что первая любовь каждой барышни – ее отец. Ну тогда считайте, что моя жизнь – полная безнадега. Отец меня в жизни не любил, а я его – и того меньше. Я вздохнула с облегчением, когда он помер, не подозревая, что он и после смерти может испортить мне существование.

Мать ведет себя так, что я перестала отправлять к ней на каникулы кого-нибудь из своих детей. В доме полно места, моя комната стоит пустая, можно спать там. Но я же знаю мамулю: обязательно заставит моих отпрысков спать в своей комнате на «больной» койке. Нет, все, хватит. Без особых отговорок: никаких бабуле внуков. Хватит ей и медведей плюшевых...

Я вообще считаю, что эта треклятая «больная» кровать виновата в моих ночных кошмарах. Любой человек в сновидениях живет параллельной жизнью, но обычно и там мрак сменяется светом. Подружка моя Сильвия сообщает постоянно: она, мол, видит такие радости, что потом три дня не ходит, а летает. Дети мои получают во сне золотые медали, грезят о том, что всю жизнь дружат с бесстрашным индейцем Виннету⁴, или уплетают двухметрового медвежонка из мармелада. Никогда ничего подобного мне не снилось. Какие-то гадости, отчаяние, то несчастная любовь, то кто-то меня ловит, а то вдруг накатит во сне страх смерти. Говорят, от нечисти, вроде вампиров, помогают распятие и чеснок. Не знаю, мне не помогают. В последнее время я придумала себе новую терапию: вглядываюсь в какую-нибудь картину, погружаюсь в нее, чтобы успокоиться и провести, если повезет, ночь вообще без снов. У меня даже есть два толстых альбома с репродукциями полотен эпохи барокко.

ТИХО, КАК МЫШКА

Еще одна любимая моя картина – натюрморт, где среди неподвижных фруктов и орехов копошатся маленькие грызуны, что, конечно, несколько нарушает законы жанра: натюрморт ведь на то и натюрморт, чтобы изображать только неживые предметы. Три бурые мышки вышли у художника Лудовико ди Сузио такими крошечными, что, кажется, уместились бы на самом кончике пальца, а фрукты по сравнению с ними просто огромные. Их так и хочется взять в руки: золотистый лимон, огненный апельсин, у которого выписана каждая складочка пористой шкурки, румяные яблоки, орехи, сладости,

⁴ <M%20>Виннет<D%0>у – храбрый индеец, герой многотомного приключенческого романа немецкого писателя XIX века Карла Мая.

посыпанные сахарной пудрой, ножицек для фруктов на отполированном до блеска оловянном блюде. Мышек замечаешь не сразу, а лишь приглядевшись: они грызут миндальное зернышко. Тихо-тихо шуршат они в ночной темноте и ищут, где бы чего стянуть. Чутким ухом можно уловить, как возятся они на столе, как похрустывает миндаль у них на зубах. Но того, кто крепко спит, это, конечно, не разбудит.

Немало, должно быть, найдется родителей, что зовут своего отпрыска мышкой. А у меня была особая история: я подобрала где-нибудь дохлую мышь и возила ее в кукольной колясочке, а потом со спокойной совестью хоронила. Подружка моя Люси, как она рассказывает, в том же возрасте, играя в парикмахера, остригла усы своему коту. Да уж, славная мы с ней были парочка.

По ночам, когда мои родители давно уже спали, я начинала колобродить. Словно призрак, носилась по дому в ночной рубашке, таскала шоколадные конфеты, плясала перед телевизором с выключенным звуком, залезала в сейф и забавлялась с пачками денег, распускала куски пуловера, связанные мамой за день. Мне было и жутко, и потрясюще весело. Как я ждала, чтобы меня хоть раз застукали, как мне хотелось раскричаться от ужаса! Но все было напрасно, даже на другой день никто моих бесчинств не замечал. Я и бросила. Угас огонек моего темперамента под стеклянным колпаком родительского гнездышка, и я со всеми своими эмоциями утонула в этом болоте. Родители мои были ко мне всегда как-то профессионально добры, как врачи к пациенту, без тени личного участия.

Почти всех матерей терзает по ночам кошмарный сон о брошенном без присмотра младенце. Охваченные ужасом, они в панике ищут ребенка, забытого в каком-то темном пространстве, ребенка, за которого они в ответе. Жив ли он? Его уже столько дней никто не кормил, не пеленал, не прижимал к сердцу! Когда же наконец это несчастное маленькое существо оказывается на руках у матери, оно почти уже не подает признаков жизни, и тогда мать просыпается, захлебываясь слезами.

Сильвия – она моя дальняя родня и третья в нашем дружеском союзе с тех пор, как переехала в наши края, – сразу подтвердила: сто раз ей такое виделось, каждый раз по-новому. Но я объясняю ей: «Мне это мерещится совсем не потому, что я такая никудышная мать и меня мучает совесть. Подсознание мое мне сигналист: я сама и есть этот замученный младенец». Я, как и многие другие женщины, годами, нет – десятилетиями – пеклась только о своей семье и совсем забросила себя саму. Кажется, пришло время полумертвого ребеночка реанимировать, привести в порядок, а то как бы не было слишком поздно.

Сильвия просто обалдела, когда услышала: «Да ты что! Тоже мне психолог! Что за чушь! Это Люси тебе наплела? Да конечно, это все из-за детей, все из-за них совесть мучает. Для них же что ни сделай, все мало».

Я промолчала. Другой мой сон я вообще ей сначала рассказывать не хотела: она сама мне приснилась. Стоим мы в ванной перед зеркалом, делаем себе новые прически, а мой младший плещется в это время в оловянной ванне. Каждая из нас ругает свою свекровь, мы напеваем под музыку, звучащую по радио, пробуем мои новые духи. Тут я бросаю взгляд на своего ребенка: он уже давно утонул! У меня останавливается сердце, я выхватываю малыша из ванны: не дышит. Хватаю за ноги и трясу, чтобы вышла вода. Из его крошечного рта все течет и течет. Потом один за другим вываливаются органы: сердце, печень, почки падают в ванну. Сильвия собирает эти кровавые комочки и выбрасывает их в унитаз, а я с криком просыпаюсь.

Сильвия не стала следить за ходом моих мрачных мыслей, она в тот момент была вне себя: обнаружила у мужа старый чемодан, набитый всякими нескромными фотографиями. Напрасно я в утешение ей говорила, что такую порнушку можно найти

чуть ли не в каждом доме. Но я ее, конечно, понимаю, мне и самой в моей семейной жизни приходилось налетать на подводные камни.

Видимо, тогда я твердо решила избавиться от ночных кошмаров и возродить к жизни себя, полумертвого младенца. Сильвии сделать это было легче, она уже много лет любила больше всего своих лошадей. Еще в детстве скакала на лошади, как амазонка, и вот теперь опять не слезала с седла. Каждый день утром дети – в школу, она – в конюшню. Я думаю, она увлеклась верховой ездой, чтобы избавиться от целлюлита, так называемого рейтузного ожирения⁵ которым природа ее щедро одарила. Меня заразить страстью к лошадям ей не удалось, я спорт не люблю, мне бы лучше что-нибудь творческое.

Муж мой Райнхард закончил в свое время среднюю школу, выучился в училище на столяра, сдал экзамены, поступил в университет и стал архитектором. Об учебе своей он рассказывал безо всякого трепета, ведь он обтесывал двери из грубого вяза, мечтая о благородных корабельных соснах.

Но когда Райнхард стал работать архитектором, ему очень пригодилось то, что он разбирался в древесине. И когда мы купили свой собственный старенький домик, сбылись его творческие мечты: мой муж перекладывал и реставрировал потолочные и стенные балки, монтировал старинные створчатые окна со ставнями и целыми днями придумывал, что бы нам такое устроить на чердаке.

Мне кажется, лишь у немногих архитекторов действительно есть вкус. Мой муж к их числу не относится. То, что он тут в округе понаделал, трудно не заметить. Какой-то псевдомодерновый ширпотреб, которым заткнули пустые места в пространстве нашего городка. Но Райнхард ведь был всего лишь служащим в архитектурной фирме и заказы себе сам выбирать не мог, потому-то на нашем жилище он душу и отвел, так что наш домик медленно, но верно превратился в своего рода краеведческий музей.

Сначала я была в восторге: есть ли что милее собственного дома с садом? Когда мы осматривали дом и приценивались, в палисаднике цвели флоксы, левкой, маргаритки и гладиолусы вперемешку с петрушкой и луком. Прежняя хозяйка до самой смерти с любовью ухаживала за своими растениями, наследники же ее садом не интересовались, идиллию эту поддерживать не собирались, но цену решили заломить немалую. Мы же с первого взгляда влюбились в дом и в сад и, не особенно торгуясь, заключили сделку.

Что до моего нового хобби, то и оно возникло из Райнхардовой одержимости здоровым деревенским бытом. Дом наш должен быть как в деревне, без всяких стальных новомодных стульев, без кроватей от Корбюзье и офисной мебели, без всего того, чем так увлекались коллеги мужа. Вовремя я спохватилась, иначе мое приданое – мебель в стиле бидермайер – исчезла бы совсем, а на ее месте возникли бы сосновые лавки, низенькие коротконогие табуреточки и чуть ли не прядильное колесо.

Однажды Райнхард притащил с барахолки настенные часы с разрисованным циферблатом, на котором, как выяснилось, треснуло стекло. Не беда, решил муж и полез в часовые внутренности. Но не тут-то было. Просто отвинтить старое стекло и купить новое, к сожалению, не имело смысла: стекло было расписано изнутри, и картинка тоже треснула. Райнхард был так огорчен, что я решила спасти часы по-своему.

Стекольщик вырезал мне из стекла круг подходящего размера с отверстием для стрелок посередине. И я решила картинку скопировать. Можно было бы, конечно, просто нарисовать на стекле пару садовых роз вместо веселой компании в лодке, усердно налегающей на весла на каком-то баварском озере, но больно уж приятно было смотреть на этих гребцов на прогулке, менять их ни на что не хотелось.

⁵ Игра слов: reiten – скакать, Reilhose – рейтузы, бридж (нем.).

Я накупила масляных красок и прочих, кисточек из куньего меха, всяких дисперсных красителей⁶ и прозрачный лак, чтобы покрыть им мое художество. Копировать было нетрудно: я просто подложила треснувший оригинал под новое стекло и обвела черной тушью контуры фигур. Тушь подсохла, и я, как мне посоветовали в магазинчике, где я покупала краски и кисти, начала с цифр, а потом перешла к фигурам на переднем плане.

Райнхард поначалу только скептически фыркал, но увидев, как заиграла моя картинка яркими красками под стеклом, оценил, похвалил и совершенно искренне одобрил. И потом всякий, кто разглядывал мое первое творение, отдавал мне должное: хотя изображение и смещено немного в сторону, так что чуть ли не наплывает на цифры, но все-таки вышло весьма и весьма удачно. Часы эти долго еще занимали почетное место над обеденным столом в нашей столовой.

После первого творческого успеха я вошла во вкус. Роспись часов меня больше не интересовала, в наш деревенский домик прекрасно вписывались и просто картинки на стекле с сельскими видами.

Так каждый из нашей семьи что-нибудь свое в наш интерьер, который все больше походил на деревенский, да привнес: Райнхард свои балки, я – картинки, свекровь моя связала нам из белой некрашеной хлопковой пряжи кружевные занавески, а маменька одарила парочкой плюшевых медведей, один в женском национальном костюме, другой – в кожаных штанишках.

Как-то раз, чтобы сплавить очередного мамулиного медведя в тирольском костюме, я в один из рождественских дней зашла к старой моей подруге Люси. Дочка ее, годовалая Ева, играла под рождественской елкой с котом Орфеем – просто идиллия! У этих двух приятелей под елкой, кажется, полностью совпадали вкусы: оба пили теплое молоко, обоим ласкал слух звон колокольчиков и обоих радовали красные елочные шары. Мерцающее стекло завораживало их, в результате оно скоро превратилось в опасные осколки и оказалось в мусорном ведре.

А как, собственно, формируется у человека вкус? Младенец, который никогда не переступал порога ни одного музея, тянется, подобно насекомым или птицам, ко всему пестрому, блестящему, к сверкающей золотой и серебряной мишуре. Восьмилетние девчонки с ума сходят по глянцевым открыткам, на которых пламенеют алые сердца, выются гирлянды из незабудок и целуются голуби, и такое сокровище может затмить только новогодний кич: календари с искрящимся снегом. Мне, признаться, тоже все еще греют душу такие красивые глупости, что-то в них есть тайное и сердечное. Меня каждый раз трогает до слез, как дочка моя Лара меняется с подружками этими открытками и прячет их где-то, как ценный клад. Вот и я тоже когда-то, в ее годы...

Поначалу я с увлечением копировала лики святых из одного альбома, но со временем несколько утомилась от бесконечного благочестия и святости. Да и вообще, святого Себастьяна в каждом углу не повесишь, а пылающие сердца и «Мария-заступница» над кроватью тоже уже не радовали. И я стала рисовать что захочется.

Мои отпрыски, Лара и Йост, притащили со свалки стеклянную дверцу от кухонного шкафа, Райнхард принес целое эркерное окно из одного дома, списанного под снос, и укоротил его до размеров, мне удобных.

Одно время меня в моем творчестве поддерживала вся семья. Я рисовала четыре времени года, изображала деревенские гулянья, майские свадьбы, Гензеля с Гретель. Моей подруге Сильвии, которой вообще трудно угодить, я подарила сцену охоты на лис, где среди охотников в красных камзолах на лихом, огненном жеребце восседает она сама. Люси, по профессии учительница, получила от меня изображение старомодного

⁶ <M%20>Дисперсные красители<D%0>и – неионные, почти не растворимые в воде краски, используются в основном для окрашивания химических волокон.

школьного кабинета – за партами сидят хорошенькие школяры-отличники, а на стене висят доска и счеты. Иногда мне приходилось работать с лупой: некоторые мои картинки были совсем миниатюрными. То были лучшие дни моей жизни. Муж утром – на работу, дети – в школу, а я на кухонном столе развожу свою живопись. И забуду, бывало, все на свете: никому я не жена, никому не мать, никакого хозяйства у меня нет, никого мне обслуживать не надо. До того иногда уйду с головой в работу, что забуду приготовить обед.

Однажды Райнхард меня удивил: пришел и заявил, что уходит из своей архитектурной компании и открывает собственный бизнес. Муж давно жаловался на своего шефа: тот, мол, извел его совсем, взвалил на него всю самую неблагоприятную работу, например улаживать отношения с подрядчиками и строителями, а это все равно что с ветряными мельницами воевать. Рискованно, конечно, из фирмы совсем уходить, правда, Райнхард надеялся, что часть преданных клиентов удастся переманить к себе. Для начала хватит маленького бюро, надо только освещение получше придумать, по высшему классу. Ну и, конечно, телефон, факс, мебель кое-какая, вывеска при входе, приборы чертежные – это можно себе позволить, стоит не целое состояние все-таки. Компьютер с графикой купим попозже.

– А персонал? – поинтересовалась я.

Райнхард решил, что секретарскую работу могу взять на себя я: назначать встречи, рассылать напоминания, принимать и подтверждать заказы на строительство. «В конце концов, когда дети в школе, времени у тебя предостаточно». И что за писклявый голос у него, думала я, совсем не вяжется с его мужской манерой поведения. Впрочем, он этим своим визгливым голоском все равно добился чего хотел.

До замужества я подрабатывала не только официанткой, но и секретарем в разных бюро, правда, без всякой охоты и не особенно успешно, но на машинке стучать умела. Господи, неужели опять придется тратить свое драгоценное время до обеда на занятие еще более ненавистное, чем стряпня? А с другой стороны, разве я не обязана помогать мужу в работе? Не он ли в доме кормилец? Я не отвечала Райнхарду ни нет ни да, а он, впрочем, моего мнения и не спрашивал. У него, видно, и сомнения не было, что я все брошу и стану ему помогать. Выходит, мои художественные опыты он не воспринимает всерьез. Между прочим, я, как жена архитектора-строителя, только и делаю, что стираю заляпанные краской и штукатуркой рубашки и брюки. Так нет же, теперь меня вдобавок ко всему впрягают в работу секретарши!

В остальном же, когда мы открыли бюро, – к счастью, рядом с домом – жизнь наша наполнилась эдаким духом пионеров-первооткрывателей. Превратить свой офис в деревенскую избу, как наш дом, Райнхард уже, разумеется, не мог – его бы не поняли. Все было как положено: стекло, бетон, кожаная мебель, ничего оригинального, никакой изюминки, все стерильно-нейтрально. Я в порыве великодушия вызвалась было сшить занавески, но Райнхард повесил серебристо-серые пластиковые жалюзи, чтобы будущих его заказчиков ничто не отвлекало от стиля собственного проекта. Мне же он поручил выбирать комнатные растения.

Между тем Сильвия влюбилась в своего тренера по верховой езде. После четырнадцати лет замужества это совершенно нормально. Я обзавидовалась: эмоции ее так и захлестывали, глаза блестели, она краснела как школьница и все только об этом наезднике, который был ее намного младше, и говорила. Нам, респектабельным домохозяйкам, в отличие от наших мужей, и пофлиртовать-то некогда и не с кем, так что иногда хоть газовщику или трубочисту глазки строй, честное слово. Благоверный Сильвии рано утром отправлялся к себе на фирму и торчал там до поздней ночи. Никто толком и не знал, чем он там, собственно, занимается, но хорошенькие секретарши и шустрые практикантки у него, конечно, были. Сильвия не сомневалась, что ее Удо, собой кадр

видный, ни одной юбки не пропускает. Подруга моя частенько преувеличивала, но вот насчет муженька она была абсолютно права, он даже за мной ухлестывал.

Райнхарда в этом плане тоже бог не обидел. Архитекторы вообще, я бы сказала, выгодно отличаются от накрахмаленных офисных боссов в дорогих костюмах с иголочки. Они носят сапоги, кожаные куртки, рубашки в клетку, на шее у них развевается шарф и от них веет романтикой строек, хотя большую часть своего времени архитекторы проводят, скрючившись над чертежами.

А что я? Я пыталась привлечь внимание домашнего врача, навещала его чаще необходимого с младшим моим Йостом. Но ничего у меня не вышло. Одна моя приятельница влюбилась в местного пастора и теперь шустрит в церковной общине, Люси тоже без конца бегает к парикмахеру, только счастливее они обе, как и Сильвия, не стали: когда это женщине, обремененной детьми и хозяйством, в таких делах везло? По вечерам они сидят как прикованные дома, в отпуск уезжают всем семейством, а когда дело доходит до интима, их заедает совесть, слезы рекой, и к тому же все происходит в такое неромантическое время суток...

Вот опять я рассматриваю картину с мышками. Как все таинственно, как тихо, одни намеки! Мне это близко. Люси в этом плане на меня похожа. О прошлом своем говорить не любит, а я подозреваю, что ее трехлетний старшенький не от мужа Готтфрида. Станный у Люси сын, чудаковатый маленький Мориц. С ним наверняка еще будут проблемы. Мы однажды плелись в церковном шествии – я с Райнхардом, наши двое отпрысков, Люси с мужем и их четверо детей – я еще прикинула, сколько всего супружеских пар умещаются в эту свиту. Шесть, что ли?

ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ

Пока я не вышла замуж, у меня было много мужчин. И не потому, что меня одолевала похоть. Просто я не могла смириться с тем, что секс не доставляет мне удовольствия. Что-то с моими мужчинами было не так, с каждым следующим, сколько бы я их ни перепробовала.

И вот наконец появился Райнхард, с ним-то и случилось все так, как хотелось. Это был переломный момент. Причину я разгадала лишь потом: с Райнхардом я занималась этим не в постели, как с другими, а на строительных лесах. И не то чтобы мне нужен был для полного счастья, как говорится, экстрим, просто любой мужчина в кровати неизменно напоминал мне папочку. Видно, меня всё время мучил эдипов комплекс, мне все казалось, что я сплю с собственным отцом, а это было невыносимо.

Вскоре после той авантюры на строительных лесах мы с Райнхардом перебрались на банальный матрас, но и на нем я была счастлива.

Года два после замужества я пребывала в эйфории, потом восторг мой стал остывать. Впрочем, брак наш долгое время был вполне удачным. Только когда Райнхард ушел из фирмы, начались неприятности. Мы едва не разорились, заказы еле капали, все сбережения были потрачены. С опозданием оплатив счета, мы оказались перед финансовым крахом. И тогда мой муж вступил в дорожный теннисный клуб, чтобы познакомиться там с богатыми заказчиками.

Люси еще предложила Райнхарду записаться в хор, где поет ее Готтфрид. Там, она думает, человек пятьдесят... Я так и прыснула. Да, Райнхарду с его голоском только в хор! Уж лучше пусть вступит в какую-нибудь партию, может, партийный совет назначит его следить за коммунальным строительством. В открытую о таком, кажется, раньше никто не говорил, но ходят слухи, что это может сработать.

Когда наконец Райнхард получил несколько выгодных заказов, он превратился в трудоголика, у которого ни минуты не находится для семьи. Его любимым словом стало «делегировать». Делегировал он, понятное дело, меня. За почтовыми марками, починить ботинки, сводить детей в бассейн. А еще, мало ему показалось моих дел дома и

секретарской работы, он делегировал меня прочитать и освоить «ПОТАИ» – «Правила оплаты труда архитекторов и инженеров».

Даже по вечерам, когда мы сидели за поздним ужином, названивал этот гнусный господин Рост. Гельмут Рост, кошмарный сон всех архитекторов, заказчик, который все не может решить, что же ему заказать. Он целую неделю боролся с собой и сообщал нам незадолго до полуночи радостную весть, что двери он хочет белые. Вот счастье-то!

Когда Райнхард, жертва своего предприятия, отправлялся играть в теннис, мне выпадал часик порисовать. Но за это время забыться с кистью в руке не получалось. Иногда мне приходило в голову: надо бы мне за моим благоверным присмотреть, в клубе же полно хороших теннисисток. Или там только чисто мужская компания? Так начиналась история моего бунта.

С Сильвией я о своих проблемах поговорить не могла, у нее в голове были одни лошади. Слава богу, у меня была Люси, которая умеет внимательно слушать. Правда, секреты собственной биографии она никому не открывает. На двери ее дома две фамилии: Херманн и Майер-Штювер. Понятно, двоим старшим детям Люси не мать. Восьмилетний Кай учился некоторое время в одном классе с моим Мостом, и на родительском собрании я и познакомилась с Люси и Готтфридом. Однажды, сгорая от любопытства, я стала расспрашивать Люси о ее личной жизни, спросила, женаты ли они с Готтфридом, но она мне дала от ворот поворот. А позже призналась, что однажды совершила в жизни величайшую ошибку и до сих пор за нее расплачивается.

Ее недоверие меня несколько обидело. Было бы что скрывать. Кого в нынешние времена волнует: женаты, неженаты, от разных ли отцов дети, да какая разница? Неужели она меня держит за ханжу, за святошу, от которой надо скрывать даже такие пустяки?

Однажды я пригласила к нам Люси с Готтфридом и Сильвию с Удо, чтобы и мужья наши познакомились поближе. Ой, зря, до сих пор жалею.

Мне очень хотелось дорисовать на стекле наш домик с садом, пока на улице солнце светит, пока тепло, а потом показать шедевр гостям. Но у меня не хватило времени, чтобы скрупулезно выписать синие ирисы, шиповник и подсолнухи. Да и с перспективой просчиталась: две дорожки, крест-накрест, с клумбой посередине что-то совсем разбегаются в разные стороны. Айвовые кусты получились слишком маленькими, а деревянная решетка, по которой вьется душистый горошек, – слишком большой.

Я до последнего момента пыталась что-то исправить, решила все-таки ничего никому не показывать, в результате мне совершенно не удался обед. Обидно до слез: придет Люси, а она лучшая кулинарка в округе. Жаркое из телятины подгорело, картошку я пересолила, в соус переложил лаврового листа, а Райнхардов любимый яблочный мусс и вовсе забыла сделать. Прощай, репутация образцовой хозяйки!

Муж мой, к сожалению, не проявил ни должной находчивости, ни чувства юмора и не стал спасать то, что еще можно было спасти. Он повел себя как последний зануда, так пламенно и угодливо извинялся за меня, так расшаркивался перед гостями, что даже добрейший Готтфрид скоро поверил, что хозяйка я никудышная. Удо воспользовался моим отчаянием и стал за мной ухлестывать. Стал мне петь, что у меня других достоинств масса, а потом полез целоваться. Пьяный Райнхард решил нас разнять, опрокинул свой бокал на Сильвию и залил красным вином ее голубое трикотажное платье от Миссони. Так что Сильвии, бедняжке, и от моего мужа досталось. А тут еще Люси в порыве сострадания давай Райнхарду сочувствовать: он, мол, несчастный, все время в таком стрессе, так устает. Тот несколько удивился, что Люси в курсе его стресса, но, кажется, наконец-то почувствовал, что хоть кто-то его понимает.

Чтобы как-то разрядить обстановку, я заговорила о нашем прошедшем отпуске. Пусть наши богатые друзья знают, где мы отдыхаем. Женщина с детьми никогда не знает покоя, начала я. Представляете, приезжаем мы на Лазурный Берег, и в первый же день Лара с Йостом подхватывают ветрянку! Я сидела в тесной квартирке, которую мы сняли,

у детей – температура, а Райнхард развлекался серфингом, нагуливал загар и даже в аптеку за жаропонижающим сбегать не удосужился, по-французски, видите ли, ему говорить лень. Я уже приготовилась рассказать, как однажды один француз атлетического сложения, увидев меня в окне, принял за Брижит Бардо в молодости, но тут вдруг голос подала Сильвия: «Анна, дорогая, не устаю на тебя удивляться, как ты вечно скачешь вокруг твоих детей!»

В этот момент мне захотелось ее убить, но я сдержалась и даже ничего не ответила.

Тут Люси, училка несчастная, вмешалась: «Да уж, зато у Сильвии с воспитанием детей все в порядке, ни минутки о своем потомстве не позаботится», – съязвила она.

Удо поддакнул: его жена днями и ночами торчит в конюшне, а жаркого от нее вообще не дождешься никакого, даже пережаренного и жесткого, как подошва.

Сильвия взорвалась и в отместку мужу поведала всем о его коллекции порножурналов. Мне осталось только одно: напоить всех до потери пульса.

Когда же наконец обиженные гости убрались восвояси, я решила себя вознаградить и стала ласкаться к мужу. Но он слишком устал, так что мне пришлось снова погрузиться с головой в свои натюрморты эпохи барокко.

С тех пор как я сама начала рисовать, мне особенно нравятся картинки-обманки, на которых все предметы изображены объемно и так точно, так близко, так подробно и так ощутимо, что кажется, их не нарисовали, а наклеили на плоскую поверхность и их можно взять в руки. Вот доска на стене, к доске прибиты медными гвоздиками рыжеватые ремешки, а за них, как в кармашки, воткнули всякую всячину. Так бы и схватила круглые карманные часы или разлохмаченное гусиное перо! Печать из черного дерева, роговый гребень, пятнистый, как шкура тигра, перочинный ножик, письма со сломанными красными и черными печатями, растрепанные брошюры – их достают каждый день и каждый день кладут обратно. Среди всех этих канцелярских штуквин бросается в глаза ключ – интересно, зачем его оставляют на таком видном месте, почему им так часто пользуются, что за дверь он отмыкает?

Ни Люси, ни Сильвия мою живопись на стекле не оценили. Единственный, кого она хоть как-то заинтересовала, был Удо. Если забыть о том, что он бабник, то с ним вполне можно было бы ладить. Умен, с чувством юмора даже, к тому же большая шишка, зарплата – целое состояние. У Сильвии было все, о чем я только мечтала: домработница, респектабельный автомобиль (не то что моя развалюха со свалки), шмотки шикарные, огромная, великосветская вилла, а кошелек от наличных трещит по швам. Сильвия порой являет чудеса щедрости и передает одежду своих дочек по наследству моей Ларе. Мне самой перепало вечернее платье, в котором я красовалась на балу в теннисном клубе. Обратно Сильвия его забирать не стала. Мне ее одеяние было широко в бедрах. Но вообще-то, я оттого еще дружила с Сильвией, что она обещала заказать Райнхарду, когда придет время, построить новые конюшни и новое здание для ее конного клуба.

До замужества Сильвия проектировала гарнитуры для «благородной» кухни. Необыкновенной какой-нибудь кулинаркой она в связи с этим не стала, но до сих пор ее кухня напичкана самыми high-techs⁷. Как только моя подруга выскочила замуж, она забросила работу, расслабилась и зажила в свое удовольствие, которое изредка прерывали внезапные истерические приступы материнской любви. Врач прописал ей пить на завтрак шампанское, я посоветовала увлечься лошадьми, а что у нее роман с «лошадиным» тренером, так это Удо виноват, совсем жену забыл.

А еще Сильвия торчит у меня как бельмо на глазу, потому что я ей, конечно, завидую немножко и ревную к ней моего мужа. В бытность свою дизайнером кухонь она нахваталась азов архитектуры и мнила, что имеет к ней какое-то отношение. Райнхард, правда, Сильвии избегал. Он и без того в своем блестящем фешенебельном теннисном

⁷ Высокие технологии (англ.).

обществе звезд с неба не хватало и сам это прекрасно знал. Я видела, как он из кожи вон лез, чтобы свести знакомство с богатыми теннисистами, хотя порой и сомневалась, что его на это толкает одна только забота о семье. Удо, муж Сильвии, тоже играл в теннис, и в тот злосчастный вечер они с Райнхардом договорились поиграть, но потом Удо пожаловался на сердце и встречу отменил.

Да уж, у богатых свои спортивные причуды, недешевые. В этом смысле Люси мне всегда нравилась больше. Она точно уж не бедная, но не играла в гольф и не ходила на яхте под парусом. С четырьмя детьми не очень-то разгуляешься.

Помню, она меня как-то удивила: решила отдать младшую Евочку в детский сад и пойти на полставки опять работать учительницей. «Анна, я же не для того университет заканчивала, чтобы стать потом наседкой», – объяснила она. На что я только с горечью отвечала: «Кажется, это как раз мой вариант».

Тут Люси предложила мне за приличную плату нянчить до обеда ее Еву и забирать в полдень Морица из детского сада.

– Ты же знаешь, – отвечала я, – у меня своих двое за юбку цепляются. А еще надо теперь при Райнхарде секретаршу из себя строить. Так что безбиситера из меня не выйдет. Кроме того, я у вас долго оставаться не могу в доме, у меня же на кота твоего аллергия. Если только ты Орфея вашего уберешь куда-нибудь подальше...

Да, кивнула Люси, моя аллергия нашей дружбе явно мешает.

О моем любимом хобби, на которое у меня и так совсем не оставалось времени, я вообще не упомянула. Я давно подозревала, что все дружно живопись мою осудили и стоящим занятием это никто не считает.

Спустя пару дней, после того как мы собирали гостей на званый ужин, выхожу я утром на крыльцо в одних тапочках и халате, соскальзываю по мокрым ступенькам к почтовому ящику, чтобы выудить из него газету, и вижу: стоит Райнхардов джип-вездеход, а к лобовому стеклу «дворником» прижата красная роза. Моросил дождик, мне мокнуть не хотелось, так что я розу трогать не стала и пошла готовить завтрак. А когда Райнхард и дети с обычным опозданием допивали свой кофе и какао, я о цветке и вовсе забыла.

Но за ужином я опять о нем вспомнила.

– Слушай, ты куда розу дел? – спросила я мужа.

– Что? – отозвался муж.

– На твоём лобовом стекле была прикреплена роза, красная, символ любви...

То ли Райнхард строил из себя дурака, то ли и вправду не способен был замечать тайные знаки внимания и почитания. Он, мол, никакой розы не заметил, дождь шел, а может, она упала, когда он тронул машину.

Втайне я льстила себе надеждой, что цветок, может быть, вообще был посвящен мне, как намек на мое имя Аннароза. А может, это просто Сильвия так мило пошутила?

Я этой истории тогда не придавала ни малейшего значения и забыла бы о ней навсегда, если бы неделю спустя на том же самом месте не нашла новую розу.

С видом триумфатора я положила улику на стол перед кофейной чашкой мужа.

– Это еще что такое? – Он не любил, когда его беспокоили за завтраком, ему нравилось молча читать газету.

– На прошлой неделе было то же самое! – отвечала я, поедая его глазами. Может, он и правда ничего не понимает? Или прикидывается? Может, у него талант вечно лицедействовать? А вдруг у него тайная возлюбленная? Или это у меня появился загадочный поклонник?

После третьей розы я стала за Райнхардом пристально следить: кто к нему приходит, когда у него встречи с заказчиками, когда он свободен, где проводит свободное время и,

главное, во что одевается. Секретарскую свою ляжку я тянула дома, в офис приходила редко, уборщицей он нанял молоденькую турчанку. Я решила «спонтанно» навестить мужа в его владениях.

Как-то, когда Райнхард отправился в ванную, я залезла к нему в сумку. Любовных писем там не было, только какой-то подозрительный счет из ресторана. Я заглянула к нему в рабочий план: вечером у него был намечен только теннисный клуб, а пришел он домой поздно и почти ничего не стал есть. Кроме дорогого вина и граппы можно было разобрать еще: «1 порция для пенсионеров» и «1 стейк». Ну ладно, стейк – это еще куда ни шло, но вот возлюбленная, которая заказывает порцию для пенсионеров, – это уже решительно интересно. Значит, я стряпаю тут специально для него сосиски с картофельным пюре, стараюсь изо всех сил, а он неизвестно с кем ходит по ресторанам! А ведь дома каждая копейка на счету!

Четвертая роза вывела меня из себя. Конечно, я пыталась застукать эту дамочку на месте преступления, но она, должно быть, проскальзывала ночью. Как бы рано я ни вставала, роза уже была на положенном месте. Сидя в утренних сумерках, я вдруг так захотела, чтобы все четыре розы предназначались мне, чтобы это мне приносил их каждую ночь какой-нибудь принц, пианист-виртуоз или, по меньшей мере, банкир. По ночам мне мечталось о симпатичном семейном докторе или хорошеньком инженере, который иногда забегал к нам поговорить с мужем, у меня дух захватывало от моих воображаемых романов, но больше это было похоже на издевательство над самой собой.

Вместо пятой розы я нашла бумажное красное сердечко с золотыми буквами «Я. Т. Л.» – «Я Тебя Люблю». И наклеила доказательство неверности Райнхарда ему на утренний бутерброд с мармеладом, отчего он пришел в бешенство.

– Слушай, Лара, ты передай этому своему кавалеру с розами, чтобы заканчивал хулиганить! Понятно?! – прорычал он нашей десятилетней дочери. Та залилась пунцовой краской до самых ушей, стрепла свои школьные пожитки и убежала в школу, не дожидаясь брата.

Райнхард еще некоторое время раздраженно тряс головой, потом взял Йоста за руку и ушел.

А я осталась одна с красным сердечком, и мне стало ужасно стыдно. Ну конечно, это же детский почерк, сердечко вырезано неровно. Детские шалости. Как мне только в голову пришло подозревать мужа в измене или тем более мечтать о том, что у меня завелся тайный поклонник!

Неужели Лара влюблена? Никогда бы не подумала, я в ее годы о таком и думать не смела. Лара казалась мне еще совсем ребенком.

Дочь пришла домой из школы непривычно рано, часом раньше Йоста. Она влетела на кухню и закричала:

– Он не признается!

– Кто?

Мальчик один из их класса, Хольгер его зовут. Ларина подружка Сузи тоже как-то его подозревала, больно чудно# он на них паялился.

На обратном пути из школы девчонки прижали его где-то к стенке, и он им поклялся, что даже не знает, где Лара живет. Дочь моя вся просто кипела.

– Мы его обозвали педиком, отняли перочинный нож. Как думаешь, может, нам надо было его пытаться?

Я была в шоке! Какой ужас, откуда? И это мой ребенок?! Как же плохо я ее знаю! Я попыталась за мальчишку вступить: мол, розы – это же ничего дурного...

Но Лара была непримирима: все мальчишки козлы, а из-за этого идиота папа на нее сегодня утром накричал. «Вот если он еще хоть раз...» – пригрозила она Хольгеру.

Я глядела на дочь и думала, откуда это у нее, почему ей хочется весь мир поколотить?

Но тут она вдруг сообразила:

– А может, у Хольгера переходный возраст начался?!

Ну, теперь понятно. В соседнем городке убили девочку, и Ларина учительница объясняла, как надо правильно вести себя с незнакомыми чужими людьми. Опасны могут быть даже друзья и родственники. Лара просто испугалась. Ей вдруг весь мужской пол показался подозрительным.

Не рассказать ли Люси о нашей домашней «войне роз»? Лучше не буду, сама-то она вон какая скрытная, еще и посмеется над тем, какая ерунда меня занимает. Кроме того, скоро выяснилось, что Лара на своего одноклассника возвела напраслину.

Снова настал понедельник, который я назвала бы Розовым понедельником⁸, если бы снова нашла розу. Но цветка не было, и я вздохнула с облегчением: слава богу, призрак оставил нас в покое. Слишком долго меня трясло, как в истерике, хватит, примусь лучше с новыми силами и добрыми мыслями за работу. Райнхард надиктовал мне полкассеты для расшифровки, в огороде пора снимать урожай редиски, пока она не стала совсем деревянной, а у детей нет чистых джинсов.

Из сада я увидела у забора нашего почтальона. Я всегда любила получать почту, а еще так интересно подглядеть, что прислали другим членам моей семьи. Но с почтальоном мне общаться не хотелось, на мне было платье, похожее на мешок, все в пятнах, и руки по локоть в земле. Так что я дождалась, пока он уйдет, бросив что-то в наш ящик.

Ничего особенного, как всегда, в ящике не оказалось: пара рекламных проспектов, открытка от мамы с курорта Бад-Вильдунген и какой-то конверт без марки. Конверт как конверт, но стоило мне взять его в руки, как я уже знала, что дело дрянь. Карандашом на нем было нацарапано: «Райнхарду лично».

⁸ <М%20>Розовый понедельни<D%0>к (Rosenmontag) – один из главных дней, пик и переломный момент карнавала в Германии, день завершающего карнавального шествия, после чего карнавал идет на убыль и заканчивается, переходя в Пост.